

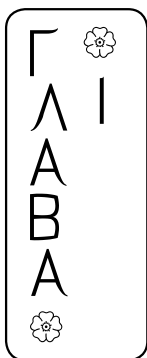
С Э С
М Т О
Е Р О
Т Ь Е
Б А

НОЧЬ ШИНИГАМИ

КАЙЛИ
ЛИ БЕЙКЕР

Young
Adult

МИОО

КОНЕЦ XIX ВЕКА ЛОНДОН, АНГЛИЯ

Легенды, что обо мне рассказывают, гласят примерно следующее.

Сначала ты увидишь, как через небо, словно сияющая комета сквозь туман, пронесется серебряная полоса.

Вслед за этим стрелки часов остановятся на полпути между секундами.

Мир погрузится в тишину, и в дверь твоей спальни трижды постучит жнец.

И неважно, откликнешься ты или нет, смерть войдет в комнату сквозь замочную скважину.

Жнец запустит руку в твое горло и вытащит душу, словно бесконечную веревку, из самой глубины, из нутра. Ты умрешь в мире, где не будет никого, кроме тебя, собирателя душ и немигающего взгляда его зеленых глаз.

Только, разумеется, городские легенды редко правдивы.

Этой ночью жатвы, когда я открыла окно спальни, человек, по душу которого я явилась, уже проснулся. Люди, особенно тяжелобольные, всегда чувствуют приближение одного из нас.

Я перемахнула через подоконник, волоча за собой длинный подол, и увидела, что мужчина на кровати смотрит на меня. Его можно было принять за мертвого, так неподвижно он лежал, однако при этом он неотрывно следил за каждым моим движением. Я повернулась захлопнуть окно, затем вытащила из кармана часы и сжала корпус из золота и серебра, замораживая время.

Все звуки за пределами маленькой комнаты стихли. Перестал биться в окно ветер, затих хруст шагов по укрытому снегом тротуару, умолк треск половиц под ногами жильцов этажом ниже. Больной неподвижно лежал под одеялами, словно уже ушел в небытие. Я пересекла комнату и прижала палец к его впалой щеке.

От холодного прикосновения застывшее время выпустило из зубов его глотку, и мужчина пришел в себя, очутившись со мной в бесконечной паузе между мгновениями. В нашем крохотном мире остались лишь его рваные выдохи и скрежещущие вдохи, влажное моргание лихорадочно блестящих глаз да подергивания рук и ног на жестких простынях.

— Ты пришла убить меня? — спросил умирающий.

По сути, нет. Время его смерти было записано в высших учетных книгах с самого дня рождения, и я никоим образом не мешала свершиться предначертанному. Не палач, но освободитель. Я не в силах извлечь душу, не готовую покинуть тело.

— Да, — ответила я, шагнув ближе.

Моя тень упала на кровать, погрузив его бледное лицо в призрачную тьму.

Мужчина смежил веки и несколько раз хрипло вдохнул. Когда же снова посмотрел на меня, в уголках глаз у него показались слезы.

— Будет больно? — прошептал он.

Я выдержала паузу: пусть помучается от неизвестности. Не моргнула, не перевела дыхание, только смотрела сверху вниз с непроницаемым выражением лица.

— Понятия не имею, — наконец ответила я. — Ни разу не умирала.

Он хотел услышать другое, но меня это не волновало. Спросил — я ответила. Зрачки мужчины расширились, превратившись в две зияющие черные пропасти, кости затряслись под тонким покровом кожи. Он потянулся ко мне дрожащей рукой. Я наблюдала за его потугами, но даже не попыталась помочь, лишь выудила из кармана маленький стеклянный флакон.

— Рай существует? — спросил мужчина, ухитрившись вцепиться хрупкими пальцами в край моего мерцающего серебром плаща. Я взглянула на его лихорадочно трясущуюся руку: посеревшая кожа туго обтянула кости. — Жнец, умоляю, ответь мне! Я попаду в рай?

Я усмехнулась. Больной перестал дрожать. То ли, затаив дыхание, ждал подтверждения, а может, застыл от ужаса при виде моей зловещей ухмылки у его смертного одра. Только и нравилось мне во всей церемонии, что этот взгляд, будто я нечто ужасное, потрясающее, способное порвать на клочки весь мир. Никто, кроме людей, не взирал на меня с таким благоговением.

Если честно, я не знала, куда отправляются души после освобождения. Высшие жнецы болтали о рае и аде, я же там никогда не бывала и подозревала, что этими байками они просто снимают с себя всякую ответственность. С тем же успехом можно толковать о Санта-Клаусе, единорогах или Боге. Но люди так страстно верили во все это, прямо как в то, что я являюсь с кометы и прохожу сквозь

замочные скважины. Умиравший далеко не первым задавал подобные вопросы. Он решил, что я — сама смерть, а не одна из ее детей на посылках. Когда меня спрашивают, я всегда отвечаю.

— Рая нет, — сообщила я. Перекошенное лицо мужчины посерело, хватка ослабла. — И ада тоже нет, — добавила я. — Нет ничего, кроме смерти.

Текущие из его глаз слезы подтверждали: если рай и существует, я туда не попаду. Но мои учителя всегда говорили, что испорченные души, подобные моей, обречены гореть вечно, поэтому мелкая гадость погоды не сделает.

Мужчина стал выкликать имена, должно быть, людей из комнат по соседству, которые все равно не могли его услышать, пока время заморожено. Терпеть не могу нытье. Меня не трогают угрозы, посулы и ярость, но тоскливые мольбы просто иссушают изнутри. Кажется, каждое слово отчаяния оставляет на коже шрамы, видимые только мне. Я часами чешусь после подобных историй, а вопли потом настырно звенят в голове, не давая уснуть.

Я накинула цепочку часов на шею, как медальон, удостоверилась, что металл касается кожи, и принялась за работу.

Прижала лоб умирающего, не давая пошевелиться, и сунула ему в рот большой палец, разжимая челюсть. Мужчина задыхался и плакал, пока я просовывала руку глубоко в глотку. Нащупав размытые края его души, я ухватила ее и выдернула наружу.

Из губ мужчины выплыло облачко золотистого тумана, сверкающее яркими огоньками, которые двигались все одновременно, словно созвездия. Мне попадались души, сделанные из черной смолы и желчи, души из бледно-розовой сахарной ваты и даже такие, что взрывались фейерверком.

Как и всякая человеческая жизнь, души уникальны и прекрасны лишь краткий миг, а затем рассыпаются прахом.

Душа бесцельно покружилась, пока я откупоривала сосуд, и стремительно просочилась внутрь, притягиваемая костяным стеклом. Как только я запечатала флакон, душа помутнела, посерела и опала на дно пеплом. Я вырезала на пробке перочинным ножиком цифру 7, так как это была моя седьмая жертва за ночь, сунула сосуд в мешочек, затянула шнурком и бросила в карман, где тот брякнулся на шесть предыдущих пузырьков.

Мертвец с отвалившейся челюстью лежал на постели, а на подушку продолжали течь слезы. Я закрыла ему рот и глаза, вознося предписанную молитву Анку, Отцу смерти, Королю жнецов*.

Я никогда не встречала Анку, но всегда и везде ощущала его присутствие, точно так же, как люди чувствуют неосознанное: любовь или ненависть. Все жнецы были его подданными, рожденными на полпути между людьми и богами, обязанными служить и поддерживать баланс в мире смертных. Нас считали кошмарным злом, не представляя, как сильно мы на самом деле нужны. Смерть пугала, а благодаря страху люди становились более интересными. Без смерти человечество оставалось бы вялым и косным. Даже жнецов рано или поздно настигает коса смерти.

В Британии мы служили Анку, но в каждой стране жнецы покорялись своей особой Смерти. В Китае — Яньло, правителю Пятого судилища ада, Царства Стенаний, Пыток и Воплей. В Мексике жнецы были подданными Санта

* Анку (брет. ankoù) — образ смерти в бретонской мифологии. Является в облике высокого человека с длинными белыми волосами или в облике скелета, везет похоронную повозку. Тот, кто встретит Анку или услышит скрип его телеги, вскоре умрет. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Муэрте, святого скелета в ярком платье, покровительницы отвергнутых. А в Норвегии смерть воплощала Песта, чумная ведьма, сеющая гибель пыльной метлой. По крайней мере, так гласили легенды.

Но я как никто знала, что легенды эти были словно развесистые деревья, выросшие из крохотных семян правды.

Когда я прошептала молитву Анку, мои губы онемели от языка смерти. Священные слова взлетали к Королю, взывая о благословении как моей проклятой души, так и души покойного. Язык мертвых витал в воздухе дольше любого человеческого наречия, будто звуки его врезались в саму ткань вселенной. Он был искаженным и проклятым, этот язык, что понимали все, но произносить могли лишь создания смерти. Когда ледяная ночь поглотила молитву, я распахнула окно и выбралась в застывшую тьму.

Снежинки парили в воздухе, словно звезды в беззвучной галактике, вороны замерли в полете, широко расправив черные крылья. Всего в квартале от меня за невидимой гранью падал снег. Я была слишком молодой собирательницей и до сих пор не могла контролировать время на большом расстоянии.

Как бы я хотела остаться навеки в застывшем мире, тихом и спокойном, но, разумеется, это было невозможно.

«Время не создается, но крадется, — повторяли Хранители времени всякий раз, когда упрекали меня за медленную жатву. — Ты заплатишь за каждую украденную секунду». Само собой, ведь для сохранения баланса во вселенной все дополнительные мгновения, что мы утаивали в процессе жатвы, Анку отрезал от наших собственных жизней. Нам было суждено провести украденные минуты, останавливая часы и собирая души, ведь только так мы могли быть уверены: люди не увидят нас до своего смерт-

ного дня и мы останемся лишь городскими легендами и суевериями. Жнецы жертвовали своей жизнью, чтобы человечество никогда не открыло пугающую правду. Люди инстинктивно всеми силами боролись со смертью, но не могли победить нас, поскольку до последнего мгновения не знали о нашем существовании.

Жизнь жнецов длилась тысячи лет, а поэтому потеря каких-то минут не играла особой роли. Но часы, дни и месяцы крали только полные придурки. Всякий раз, останавливая ход времени, мы слышим далекое тиканье, что усиливается с каждой украденной секундой, напоминая: сколько бы мы ни пытались прикарманить, однажды смерть придет и за нами.

Я прижала руку к медальону, что так и болтался на шее, холодя кожу под одеждой. Мои часы, сделанные из чистого золота и серебра, были ключом, контролирующим время. На свою сотую годовщину каждый жнец получал такие. Хранители времени отмечали по ним всякий след, оставленный нами, всякую украденную секунду, что причислялась к нашему долгу. Сквозь золото и серебро время просачивалось в кровь, а затем слетало с кончиков пальцев, куда я пожелаю. Каждые часы были уникальны, на их изготовление требовалось несколько месяцев, и их невозможно было передать другому. Мы оберегали свои хронометры пуще родных детей. В конце концов, бездетные жнецы оставались жнецами, а вот жнецы без часов становились просто очень медленно стареющими людьми.

Я сняла цепочку с шеи, натянула капюшон и сунула часы в карман.

Время разморозилось в тот самый момент, как я отпустила металл, и в то же мгновение ледяной порыв завывающей вьюги сорвал капюшон с моей головы. Я снова на-

кинула его, хоть руки тут же застыли на ветру, потому что никому нельзя было увидеть цвет моих волос. Если меня заметят, у меня будут проблемы.

Нужно было вернуться домой до Последней жатвы, а иначе я застряла бы на улице до следующих сумерек. И тогда брат непременно нарушит комендантский час и отправится разыскивать меня, а значит, мы оба окажемся снаружи, когда церковные гримы* выйдут на охоту. Я-то с ними справлюсь, но вот Нивену придется туго. Церковные гримы выглядят как собаки, а Нивен скорее собственные часы съест, чем убьет собаку.

Кроме того, терпеть не могу бродить с полным карманом необработанных душ, ведь стекло сосудов хоть и прочное, но не вечное. Если, например, я упаду с часовой башни, или меня насадят на кованую ограду, или толкнут под коляску, флаконы разобьются и души застрянут в мире смертных.

Я пробежала через Белгравию, глубокой ночью почти безлюдную. Площадь, словно тюремные вышки, окружали огромные белые особняки, бойницы окон верхних этажей глазели на улицы. Я промчалась мимо покосившихся зданий красного кирпича на Уилтон-Кресент, свернула с открытого пространства и нырнула в темные боковые улочки, надеясь спрятаться в тени.

Как только я оказалась на Кадоган-плейс, время снова изменилось.

* Церковные гримы (англ. church grim, kirk grim) — в английском фольклоре духи, следящие за благосостоянием отдельной церкви. Церковный грим создавался во время жертвенного ритуала при строительстве церкви: в стену заживо замуровывалось животное, которое наделялось ролью стражника. Могут являться в виде черных собак или маленьких темнокожих человечков.

Я ощутила призрачную руку на шее и обернулась, но на морозной улице больше не было никого. Не слышалось ни далекого гудения труб, ни глухого стука копыт по мостовой, ни отголосков разговора из соседнего квартала — только бесплотная тишина. Каждый мой вздох звучал громче крика.

Я подняла капюшон и посмотрела на миллион снежинок, застывших в воздухе, но не по моей воле.

Шла бы я, бежала или ползла — меня ничего бы не спасло. Их холодные руки втащили меня в замороженный мир. Они наблюдали, скрываясь в тени, выжидая, что я предприму дальше.

Они отлично знали, что чем дольше таятся в тишине, тем более страшные картины я воображаю, представляя, как меня разорвут на кусочки, разнесут по косточкам. В отличие от людей, которые встречают их лишь раз в жизни, перед тем как душа унесется в пустоту, я прожила рядом с ними почти два столетия.

Стоило слагать городские легенды о таких жнецах, как они, а не о подобных мне. Пусть я и ужасная, но новичков бояться не стоит.

Вот какие истории следовало бы рассказывать людям. Сначала ты почувствуешь на лице их руки, прикосновение смертельного холода пробудит тебя ото сна.

Затем стихнет тиканье часов, и ты останешься один в темноте. Лишь дыхание участится в абсолютной тишине.

На полпути между сознанием и смертью зрение затуманится из-за недостатка кислорода, и к тебе приблизится фигура в серебряном плаще — чтобы погубить тебя.

Время лентами извивается в их руках, и они вольны перерезать эти ленты, скрутить или затянуть вокруг твоего горла.

Они могут так заморозить время, что ты выпадешь из мира, застрянешь в застывшей картине.

Они могут так замедлить время, что ты попадешь в ловушку вязкого янтаря, тратя столетия на один-единственный вдох и мучительно осознавая происходящее.

Они могут вонзить белые ногти в самое сердце, выудить худшие моменты твоей жизни, а затем закольцевать их и вечно воспроизводить снова и снова.

Они изгоняют из семей слабых и ломают спины любownikам. И пока им что-то от тебя надо, ты никогда, никогда не будешь в безопасности.

— Привет, Рейн.

Слова прозвучали где-то за спиной, женский голос у левого уха предсмертным звоном разнесся по всему телу. Исковерканное имя эхом отдавалось в голове: «Рейн, Рейн, Рейн» — словно стук капель по крышам. Мое настоящее имя звучало иначе.

Мама, которую я не помню, назвала меня Рэн, «лотос» по-японски. Я это точно знала, потому что, как у всех шинигами*, иероглифы кандзи были выгравированы на моем позвоночнике несмываемыми черными чернилами. Однако отец записал меня в книгах как Рейн — «дождь». Такое имя, хоть и не особенно примечательное, лучше подходило британскому жнецу. Хоть звучало похоже, но все же я хорошо различала, кто звал меня настоящим именем, а кто коверкал его на английский манер.

— Что стряслось, Рейн? — шепнул другой голос прямо в правое ухо.

Им так нравилось коверкать мое имя, растягивая гласную, как большую ириску, потому что они обожали демонстрировать пренебрежение. За пределами семьи нам полагалось

* Шинигами (яп. 死神) — в современной японской культуре проводники в загробную жизнь.

обращаться друг к другу «жнец» или «собирательница», но подобного соблюдения этикета ждать не стоило.

— Ты сегодня подозрительно тихая, — произнес третий голос, и вот его я узнала.

Но не успела и рот открыть, как меня поймали за руки и повалили на спину прямо в снег. Неподвижные снежинки тянулись вверх, сколько хватало глаз, постепенно теряясь в застывшей бесконечности тускло-черного неба.

На мою челюсть обрушился ботинок, впечатывая лицо в снег. Белая вспышка — и мозг будто расплющился о стенки черепа. Пятка впивалась в висок, я лежала распластанная, ожидая расправы, совсем как души в кармане моего плаща.

На кончиках моих пальцев опасно вскипело адское пламя. Однако прежде чем оно вырвалось наружу, я вдохнула холодный воздух и плотно сжала веки, заставляя палящий свет погаснуть.

Тем глазом, что не был впечатан в колючие кристаллы, я взглянула на нападавших.

Ботинок, который вжимался в мою щеку, вполне предсказуемо принадлежал Айви, ведь именно она всегда появлялась в самый неподходящий момент. Серебряный плащ колыхался у нее за спиной, словно чистая река, сотканная из шелка и лунного света. Пепельно-русые волосы, цветом подобные кости, падали мягкими локонами. Айви была прекрасна идеальной красотой собирательницы. Казалось, снежинки пролетают сквозь нее, будто она наполовину растворилась в другом мире. Острые черты лица, глаза всех оттенков северного сияния мерцали переливами драгоценных камней и далеким звездным светом.

Я не походила ни на нее, ни на остальных жнецов.

Мои глаза и волосы были цвета Ёми — японского подземного мира и Царства Вечной Ночи, места, куда не осмеливался заглянуть ни один лучик. Назвать это цветом было сложно — скорее, полным отсутствием оного. Именно потому я всегда зачесывала волосы назад и натягивала пониже капюшон: если меня увидят, я стану мишенью.

Мою левую руку сильнее вжали в асфальт, и я предположила, что это Сибил. А за Сибил обычно следовала Мэвис, хотя какая разница, кто не давал мне подняться. Надо мной издевались все Высшие жнецы, но где-то рядом постоянно маячила Айви.

Ботинок приподнялся, давление ослабло, отчего у меня сразу закружилась голова. Синяки исчезнут за пару минут, но до того момента Айви наверняка наставит мне куда больше. Она пошевелилась, и я напряглась, но ботинок всего лишь отбросил назад мой капюшон.

Черные волосы рассыпались по снегу, словно пролившееся масло, коса растрепалась от удара.

— Можно подумать, одежда скроет твою истинную сущность, — бросила Айви.

— Полукровка, — прошипела Мэвис, еще сильнее прижимая к тротуару мою руку.

— Не смей отворачиваться от Высших жнецов, когда они обращаются к тебе, — приказала Айви.

Я подняла глаза к небу и встретила взглядом с главной мучительницей, ее радужки превратились в тошнотворный водоворот лилового и зеленого.

Она склонилась ко мне, и я снова инстинктивно зажмурилась, представляя тысячи разных видов боли, которые мне могут причинить. Каждый мускул напрягся, вздрагивая от предвкушения агонии. Ноги чуть подергивались, как у пришпиленной бабочки. Я до скрежета сжала зубы, во-

ображая мир, где смогу отбиться без последующего наказания Верховного совета, где найдется могущественный защитник, кому я буду безразлична.

Боль не приходила мучительно долго. Мои мышцы напрягались все сильнее, сотрясаясь от напора.

А затем с непривычной мягкостью Айви собрала мои волосы и приподняла со снега. Я открыла глаза в то мгновение, когда перед лицом промелькнули ножницы, блеснув в слабом свете фонарей.

— Нет! — вскрикнула я, сопротивляясь рукам, которые прижимали меня к земле.

Я рванулась, но в меня вцепились еще сильнее. Я не могла встать, не навредив нападавшим, а если покалечу их, это дойдет до Верховного совета.

Так что я только заметалась, словно выброшенная на берег рыба, глядя на неподвижные снежинки и пытаюсь максимально усложнить троице задачу.

Я знала, что мои локоны неправильного цвета, и мне никогда не стать красивой, как ни старайся, но это были мои волосы, и я не хотела отдавать их Айви.

Она схватила меня за подбородок и поднесла ножницы к самому зрачку.

— Не шевелись, или вместо волос заберу глаз, — предупредила мучительница.

От ее слов по коже побежали мурашки. Наверное, именно таким тоном Айви обращалась к людям перед тем, как забрать их души, потому что я обмякла, точно увядающее растение. И пусть порезы быстро затягивались, а кости возвращались на место в течение нескольких минут, глаз мне отращивать еще не доводилось, и я не горела желанием узнать, каково это.

Я застыла, боясь даже пошевелиться, чтобы серебряные лезвия не сдвинулись ни на миллиметр. Меня сдерживала

не угроза боли, а предвкушение того давящего ощущения, когда ножницы пронзят мой глаз и зрение рассыплется калейдоскопом. От этой мысли тошнило, но я могла только пялиться на острые лезвия, мерцающие серебром под уличным фонарем.

Задний план расплылся сонной дымкой, и я слишком поздно поняла, что Айви обращает против меня время, растягивая момент все дольше и дольше. Я лежала в ловушке мира, где были только я, ножницы и ожидание вонзающихся в глаз лезвий. Айви могла столетиями продержать меня в таком состоянии. Я запаниковала, хотя не могла ни пошевелиться, ни вдохнуть. Медленные удары сердца участились, легкие молили о глотке кислорода, который, по сути, был им не нужен. Я смотрела, смотрела, не в силах отвести взгляд, лезвия казались все более острыми и зловещими, они будто приближались, и вдруг мне захотелось, чтобы Айви уже выколола мне глаз и положила этому конец. Чтобы все закончилось, закончилось, закончилось...

Внезапно ножницы исчезли из поля зрения, и я ахнула, безвольно упав в снег. Сибил и Мэвис смеялись где-то рядом. Я обливалась холодным потом, глаза горели от сухости, хотя прошло лишь несколько секунд.

— Посмотри на нее, вся трясется, — бросила Сибил, тыча пальцем мне в щеку. — Вот так наследница Высшего жнеца.

— Да не станет она наследницей. — Мэвис набрала пригоршню грязного снега и сунула мне в лицо.

Глубоко внутри я хотела подняться до Высшего жнеца им назло, пусть побесятся. Вот только шансов не было. Отец никогда не станет готовить меня к вознесению, хоть я и его первенец.